

Андрей СОРОКИН,

кандидат исторических наук, директор РГАСПИ, ведущий рубрики

«ПЕССИМИЗМ И МИЗАНТРОПИЯ СТРОГО ЗАПРЕЩАЮТСЯ»

Письма меньшевика Мартынова к жене (1910–1928)

В последнее десятилетие активно публикуется личная переписка советских политических деятелей¹. Эти уникальные и так редко встречающиеся в наших архивах источники дают возможность восстановить во всей полноте и оживить биографии людей. Столь же интересны и публикуемые ниже несколько писем Александра Самойловича Мартынова (1865–1935) своей невесте, а затем жене Анне Романовне Мартыновой за 1910–1928 годы.

Мартынов как один из лидеров меньшевиков достаточно хорошо известен². В советское время он попадался каждому, кто в процессе изучения истории КПСС сталкивался с работами Ленина. А вот о его характере и образе жизни мы знаем значительно меньше. Публикуемые здесь письма, написанные живым языком, искренние и предельно открытые, позволяют увидеть политика с другой, мало знакомой нам стороны и во время его эмиграции, и в годы активной политической деятельности, и в период Первой мировой войны, и в дни революции 1917 года, и в советское время.

Александр Самойлович Мартынов (настоящая фамилия — Пикер) родился в Пинске. В 1884 году он поступил на юридический факультет Петербургского университета, примкнул к народолюбцам, не раз арестовывался и был исключен из университета. Два года провёл в одиночном заключении, затем был приговорён к ссылке на 10 лет в Средне-Колымск, но пробыл там только четыре года, после чего проживал в Якутске и Киренске. В автобиографии он писал потом, что именно в то время «окончательно порвал с народолюбством и стал социал-демократом»³.

В 1899 году Мартынов вернулся в Европейскую Россию и занялся нелегальной работой в Екатеринославе. В 1900-м был арестован, полгода просидел в тюрьме, эмигрировал и поселился в Берлине. Там он увлёкся популярным в то время среди социал-демократов «экономизмом».

В августе 1903-го Мартынов участвовал в работе II съезде РСДРП. После раскола этой партии на большевиков и меньшевиков он примкнул к меньшевикам и в 1904 году вошёл в состав редакции «новой» (после ухода Ленина), меньшевистской «Искры».

Накануне революции 1905–1907 годов Мартынов издал в Женеве брошюру «Две

диктатуры», в которой выступил против Ленина, сделав смелый вывод о неизбежном крахе большевиков в случае прихода к власти. Оценивая позже эту работу, Александр Самойлович писал, что «кочень верно предсказал и очень неверно оценил пути, по которым пойдут большевики».

Благодаря последовавшей в 1905 году амнистии противников власти, Мартынов вернулся в Петербург и стал активно участвовать в объединительном движении в РСДРП. Весной 1907 года, на V съезде РСДРП в Лондоне, он был избран в ЦК партии. Вскоре, в Цюрихе, Александр Самойлович познакомился со своей будущей женой, студенткой Цюрихского университета, состоявшей в 1905-м членом Рижского комитета РСДРП, Анной Романовной Файнман.

С 1908 до начала 1917 года Мартынов жил в эмиграции, участвовал в работе всех наиболее важных для меньшевиков пленумов и конференций, в Базельском конгрессе II Интернационала 1912 года.

В годы Первой мировой Александр Самойлович входил в число меньшевиков-интернационалистов, активно выступал на собраниях и в печати против «социал-патриотов», опубликовал в этом же духе в газете «Наше слово» серию статей «Благочестивая легенда» и издал в России легальную брошюру «Патриотизм и международность».

В феврале 1917-го Мартынов вернулся в Петроград. Там он входит в состав редакции журнала меньшевиков-интернационалистов «Интернационал», становится членом городской думы, участвует в работе Демократического совещания, Предпарламента, меньшевистского ЦК, редакции питерской меньшевистской газеты⁴. В дни Октябрьской революции Мартынов активно выступал против большевиков.

В июне 1918 года, с женой и дочерьми Татьяной и Еленой, Александр Самойлович переехал из революционного Петрограда на Украину, в подольский Ялушков, и отошёл от партийной работы. В 1918–1922 годах он работал учителем на сахарном заводе и в конце концов принял решение о переходе на сторону большевиков. Даже из автобиографии Мартынова видно, насколько сложным было для него такое решение: «Мне приходилось рвать с товарищами, с которыми я, уже совершенно сложившийся политический дея-

тель, работал 15 лет, с которыми я пережил революцию 1905 года, с которыми я связан был партийными узами и узами тесной личной дружбы; тут мне приходилось ломать политическую систему взглядов, которые у меня вошли в плоть и кровь». Причины решения Мартынов объяснял нежеланием политической смерти, а также пониманием того, «что история решила спор между меньшевиками и большевиками в пользу большевиков»⁵.

В 1922-м экс-меньшевик переехал в Москву. Политбюро ЦК РКП(б) потребовало от него публичного заявления о своем разрыве с прежней партией и осуждения меньшевистской политики. На XII съезде РКП(б) в 1923 году Мартынова приняли в партию большевиков; в том же году он провёл агитационную кампанию против меньшевизма в Грузии. В 20-е годы Александр Самойлович работал в Институте Маркса и Энгельса, затем в редакции издательства «Красная Новь» и, до конца жизни, в редакции журнала «Коммунистический Интернационал».

Мартынов был единственным из меньшевиков-голосовцев (членов редакции газеты «Голос социал-демократов»), кто остался в Советской России и вступил в РКП(б). На этот счёт прохаживался журнал «Социалистический вестник»; имя Мартынова неоднократно упоминалось в негативном тоне и в переписке меньшевиков-эмигрантов⁶.

Позже, в некрологе 1935 года, видный меньшевик Фёдор Дан попытался дать бывшему соратнику более взвешенную оценку — усомнившись в том, что покойный внутренне соглашался со сталинской диктатурой. Исключал Дан и наличие каких-либо корыстных мотивов в поведении своего старого товарища: не было «более бескорыстных служителей «идеи», чем Мартынов, больших «бессребренников», не только в смысле денег, но и в смысле жизненных благ и удобств вообще»⁷.

Публикуемые ниже письма Мартынова жене хранятся в его личном фонде в РГАСПИ⁸. Все письма — беловые автографы автора. Тексты публикуются по современным правилам правописания с сохранением стилистических особенностей. Сокращённо написанные слова воспроизводятся полностью, в примечаниях это не оговаривается. Непрочитанные слова отмечены в подстрочных примечаниях, там же даны переводы на русский язык иноязычных выражений.

Публикацию подготовила главный специалист РГАСПИ, кандидат исторических наук Жанна АРТАМОНОВА

№ 1

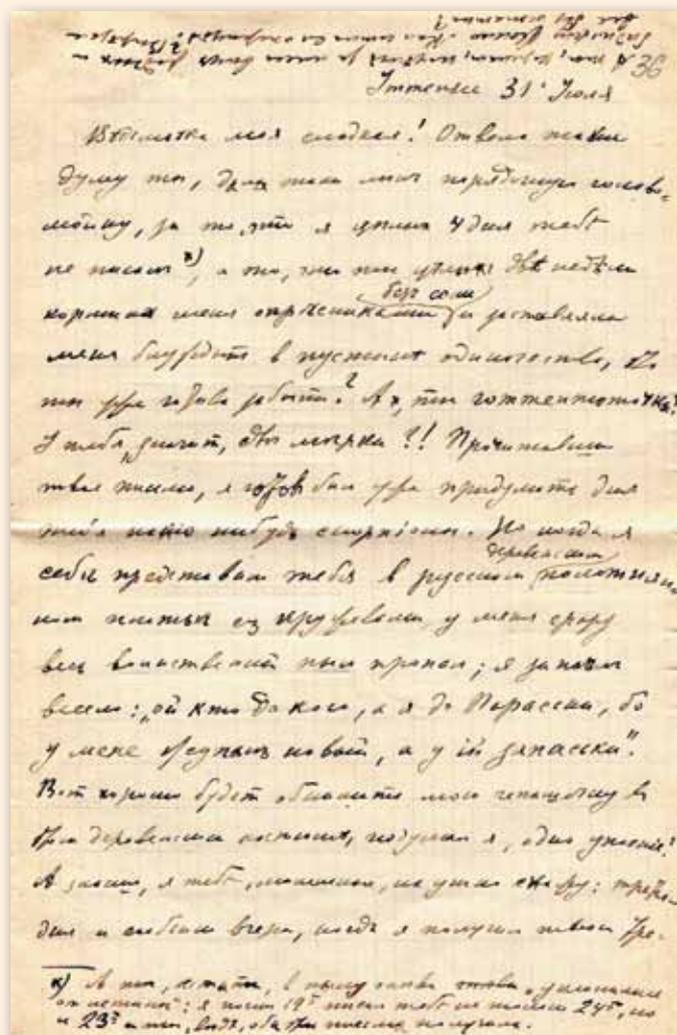
А. С. Мартынов из Иммензее — А. Р. Файнман в Ригу,
31 июля 1910 г.

Immensee, 31 июля

Ведьмочка моя сладкая! Отвела также душу ты, дала-таки мне порядочную головомойку за то, что я целых 4 дня тебе не писал⁹, а то, что ты целых две недели кормила меня опресноками без соли и заставляла меня блуждать в пустыне одиночества, это ты уже готова забыть? Ах, ты, готтенточка! У тебя, значит, две марки?! Прочитавши твоё письмо, я готов был уже придумать для тебя какие-нибудь скорпионы. Но когда я себе представил тебя в русском деревенском полотняном платье с кружевами, у меня сразу весь воинственный пыл пропал; я запел весело: «Ой, кто до кого, а я до Параськи, да у меня жупан новый, а у ей запаськи». Вот хорошо будет обнимать мою чепашечку в этом деревенском костюме, подумал я, одно упоение! А знаешь, я тебе, маленькая, на ушко скажу: третьего дня и особенно вчера, когда я получил твоё тревожное письмо, я уже ругал себя ругательно, что ты на следующий же день получишь моё письмо от 23-го, я бы тебе телеграфировал. Но Ольга Моисеевна меня успокаивала и повторяла свой обычный напев на жаргоне мышки Горпыны: «Так ей, проклятенкой, и надо, могла не ехать в Ригу». Она и Исаак Соломонович¹⁰ до сих пор не могут простить тебе, что ты так легкомысленно уехала на целых полгода, не справившись даже толком, какой у тебя будет экзамен. Но это уже теперь не важно. Я уже давно свыкся с тем, что моя чепашечка того и гляди выкинет какой-нибудь легкомысленный форсаж. А вот вопрос более важный: значит, экзамен у тебя будет на 5 дней позже. Как же ты предполагаешь, ещё на 5 дней отсрочить свой приезд? Уж нет, миленькая, это у нас в договор не входило. Я, скрипя сердцем, примирился уже с тем, что ты приедешь в Париж только 6 сентября (по здешнему стилю). Но если экзамен у тебя оттягивается, то это уже будет бессовестно, если ты не начнёшь себе шить зимние платья до экзамена. Ведь для тебя, миленькая, пробыть на даче 4 месяца или 4 месяца с неделей — одно и то же, а для меня каждая лишняя отсрочка твоего приезда прямо пытка, да и ты ведь пишешь то же самое про себя, что тебе уже страшно хочется быть со мной. К тому я должен прибавить, что отсрочка твоего приезда связана будет для меня с хлопотами и расходами. Мне это время некуда будет деваться, придёт даром проживать в Париже, трача время и деньги. Подумай обо всём этом, родная моя, и постарайся приехать точно к сроку, т. е. к 6 сентября. А ты, кстати, уже отправила в Париж метрику и доверенность? Сообщи мне, пожалуйста, об этом немедленно.

[...] ¹¹

Завтра, Корюшка, я собираюсь в Люцерн. Главным образом для того, чтобы купить себе брюки. Я приехал из Париже в слишком неприличном виде, но понемногу я начинаю опять принимать вид цивилизованного человека. Я прежде всего остригся, затем починил себя ботинки, теперь куплю брюки. Остальное, т. е. главный «шик», я наведу в Париже накануне твоего приезда. Только бы скорее уж этот момент наступил. А я тут, «на травке», никак не могу ещё за-сесть за статью, и надо было бы с ней скорее покончить. Впрочем, в смысле чтения я и теперь успеваю много. Дело в том, что общества здесь никакого нет, просто дети. Саша тоже в разъездах, две же питерские девицы, хотя, как оказывается, обе очень простые и, что называется, «симпатичные» девушки, но они уже больно не интересные, и, кроме привычных фраз за обедом и ужином или во время прогулки, я с ними двух слов не сказал. К тому же никакой охоты нет заводить знакомства. А всё-таки на даче хорошо! Я не могу не надышаться свежим воздухом после Парижа, и нервы у меня сразу перестали прыгать. Одно досадно, что нет здесь тебя, моя

1. Фрагмент письма А. С. Мартынова А. Р. Файнман.
31 июля 1910 г. Ф. 795. Оп. 1. Д. 9. Л. 36.

дорогая, любимая Нюрочка. Иди ко мне, чепашечка, садись ко мне на колени, я тебя зацелую и заласкую, моя смугло-красная любимочка. Я себе здесь быстро нагуливаю мускулёнки, и я тебя сейчас так буду обнимать, что дух захватит. Хотя теперь день, но я не прочь с тобой и на постельке поваляться. А ты, чепашечка, тоже не прочь? Твой веселый Санюричек

РГАСПИ. Ф. 795. Оп. 1. Д. 9. Л. 36–39.

№2

А. С. Мартынов из Иммензее — А. Р. Файнман в Ригу,
4 августа 1910 г.

Immensee, 4 августа

Любимая моя чепашечка!

Вчера целый день дождь лил. Сегодня опять солнышко весело светит. Это оттого, видно, что от тебя письмо получилось. А ты, дружок мой, какая у меня благоразумная: не надо, говоришь ты, малодушничать, надо мужественно переносить разлуку. Всё это я отлично в теории знаю, но мне, родненькая, этих добродетелей не надо, мне надо тебя. И ты напрасно думаешь, что я тут кисну. Ничуть не бывало. Я успеваю тут и работать, и гулять, и с детьми дурачусь, и с барышнями келейными шучу, и воздуха деревенского вдоволь вздыхаю, но всё это ни капелечки не заменяет мне мою любименькую Корочку. Так было, и так будет, потому что я тебя

2. Мартынов А. С., Мартынова А. Р. (в центре) в группе грузинских большевиков во время пребывания в Кутаисе в ходе агитационной кампании по делу ликвидации меньшевизма в Грузии. Июль 1923 г. Кутаис. Ф. 795. Оп. 2. Д. 4.

люблю, как сумасшедший, и шабаш. И зачем мне исправляться и подтягиваться? Вот если б любовь к тебе во мне убивала энергию, если б она отвлекала меня от жизни, тогда, верю, надо было бы подумать о том, как себя в руки забрать. Но ведь дело как раз наоборот обстоит. Мне достаточно получить от тебя приветливое, ласковое, весёлое письмо, чтоб у меня удвоилось желание работать, и прыгать, и скакать, и дурачиться, и об серьёзном думать. Я вообще очень легко переношу разлуку, когда чувствую тебя в твоих цидулках. Одно только верно, что я крайне чувствителен к каждому твоему слову, к каждой интонации твоего слова. Но в этом ведь беды нет — была бы только интонация мелодичная. И почему бы ей не быть всегда такой? Когда ты крепко любишь свою Санючку. Дай я тебя поцелую, твои ясные глазки, я чувствую, что они так ласково улыбаются. Теперь обними меня, чепашечка, только крепко, крепко. А знаешь, мне минутами кажется, что ты уже здесь, со мной, и тогда мне хочется от веселья кубарем по земле кататься. А я здесь в Imptensee быстро нагуливаю красные щёки. Хотя я, по существу говоря, по-прежнему живу более своим внутренним миром, но внешним образом дачная обстановка как бы сближает меня с обстановкой, в которой ты теперь живёшь. Когда я играю с детьми, бегаю и «дичаю», мне кажется, что и ты тут присутствуешь в этой шумной кампании и всех заражаешь своим весёлым смехом.

[...]¹²

А ты, Корешка, уже открывала в Париже свои бумаги? Это преросходно. Я сегодня тоже отправил туда свой permis de sejour¹³. Насчёт встречи родителей в Париже ты не беспокойся. Я туда приеду за неделю. Ты напрасно только говоришь, что придётся закупки делать в Берлине. Все необходимое можно будет тебе купить в Париже. Пока ты с родителями будешь в Париже, я никакими другими делами не буду заниматься и всё время буду проводить с вами, а по лавкам буду бегать сколько тебе угодно будет. Я так долго жду тебя, не беда, если теперь «статьи» подождут меня. До свидания, моя любимая, ненаглядная. Целую тебя тысячу раз.

Твой Санюрик

Там же. Л. 47.

№ 3

**А. С. Мартынов из Вены — А. Р. Пикер в Цюрих,
29 августа 1912 г.**

Вена 29 августа 1912 г.¹⁴

Сильная моя девочка!

Я на твоей подушечке спал с большим удовольствием, хотя должен сознаться, что всего-то я спал в дороге не более 4–5

часов. А насчёт провизии ты, плутовочка, меня надула: всунула мне в мешок всю провизию, которая имела у нас на квартире. Естественно, что как я ни старался, я съел её ещё на второй и на третий день. Насчёт «толстой кишки», о которой ты мне пишешь, я вполне с тобой согласен. Конечно, темы по гигиене имели бы большие связи с общественными вопросами. Но такая тема не ввела бы тебя в тайны практической медицины, к которым тянется уже давно твоя душа, а тема, которую тебе предлагает Birge, наверно, тебя многому научит и даст тебе удовлетворение как первая самостоятельная и действительно медицинская работа, а если ещё

принять во внимание, что она не отнимет слишком много времени, то всё говорит за неё.

Досадно, что тебе, родненькая, приходится хлопотать столько сил и времени на искания квартиры. Мне прямо совестно, что я провожу время в такой интересной обстановке в то время, как тебе приходится заниматься такими скучными хлопотами. Я постараюсь тебя за это вознаградить, когда я приеду. Впечатлений у меня много здесь набралось, и впечатления эти далеко не такого рода, какие получил когда-то от поездки в Париж¹⁵. Здесь, за ничтожным исключением, нет того боксёрства, подсиживания и хитрой стратегии, которая имела место там. В общем и целом жизнь идёт вперёд, и если это чувствовалось по некоторым значительным симптомам уже в 10 году, то теперь это и для слепого должно быть ясно.

[...]¹⁶

Там же. Л. 103–104.

№ 4

**А. С. Мартынов из Берна — А. Р. Пикер в Цюрих,
12 мая 1913 г.**

Берн, 12 мая, понедельник¹⁷

Миленькая моя! Минутки не было свободной, только сейчас урвал минутку на беседу с тобой...¹⁸ По ошибке меня не встретил на вокзале, и по ошибке же комната, которую он для меня нашёл, оказалась занятая. Благодаря этому я в субботу потерял пару часов. Поселился я в комнатке, в том же доме, где живёт¹⁹ и Макс Блюмберг²⁰. Обедаю и завтракаю я у Макса Блюмберга. Вчера вечером конференция кончилась. В субботу и вчера вечером был на банкетах, беседовал с Гаазе, Либкнехтом²¹, Молькенбургом, сенатором Эстурнелем де Констаном²², с каким-то Conseiller d'etat²³ и т.д., беседовал и об конференции, и об общей политике, и о наших русских партийных делах. Вчера отправил в 1 ч. дня телеграмму в «Киевскую мысль» (26 фр. — 61 слово). Вчера же во время перерыва заседания написал первую корреспонденцию в «Киевскую мысль» о rendez-vous²⁴ в Casino (6 страниц), но отправить эту корреспонденцию я успел только сегодня утром. Сейчас сажусь писать вторую (и последнюю) корреспонденцию о самой конференции, которая растянется, вероятно, страниц на десять. Я видался и с Виктором, и с Райхесбергом²⁵. Полины Марковны²⁶ я ещё не видал. Чтоб повидаться с ней, мне придется здесь, наверно, ещё переночевать сегодня. Благо мне, благодаря гостеприимству Макса и .... жизнь здесь ничего не стоит. Конференция была очень интересная, довольно интересное было и описанное мной interview²⁷. Кое-что интерес-

ное сообщил мне .... Наае о русских делах. Целую тебя сто раз, моя роднёнькая. Поцелуй за меня П. Борисовича и И. С.²⁸

Твой Санжурик

Там же. Л. 109.

№ 5

**А. С. Мартынов из Цюриха — А. Р. Пикер,
6 декабря 1914 г.**

Цюрих, 6 декабря 14 г.

Миленькая Корочка и ... (Серенький, Танечка)

Приехал сюда вчера в 2½ ч. Погода была чудная почти до Цюриха, а здесь по обыкновению слякоть. Ел по дороге до отвалу — Иоанна, как оказывается, дала мне на дорогу больше, чем кило мяса!

Вчера же перед вечером пришли сюда Ю. Ос. и Виктор Тевзя²⁹ и Пав. Бор. Потачил нас в кафе, откуда я пошел к О. М.³⁰ ужинать, а после ужина у нас опять сидели Ю. О. и Тевзя.

Мы пока беседовали только на общие темы — обменивались взглядами.

Пав. Бор. получил письмо от товарища Бинштока³¹ из Стокгольма. Он был в ноябре в Питере и сообщил интересные сведения о питерских настроениях. Рабочие, промышленники и организации в Питере и провинции настроены нигилистически, т. е. равнодушны к тому, кто выйдет победителем из войны — немцы или русские. О настроении широких масс судить трудно. В студенчестве, судя по словам Ортодокс³², вращающейся в этой среде, растёт революционное антимилитаристское и антидинастическое течение. Что касается наших социал-демократов-меньшевиков, то среди них два или даже три течения. Большинство ОК и большинство фракций выдвигают старый лозунг — война войне. Маслов и московские меньшевики стоят на плехановской точке зрения, т. к. ждут от русской победы улучшения положения в России³³. Группа «Нашей Зари» занимают среднюю позицию³⁴. Эти последние настаивают на том, чтоб не прекращать борьбы с русским правительством и в настоящее военное время. Но вместе с тем они, исходя из своеобразных «интернациональных» соображений, желают поражения Германии и отвергают лозунг «долой войну!», покуда Германия не будет побита. Их аргументация такова: решающее влияние на общеевропейское положение имеет не Россия, а Германия. Если б германский пролетариат выступил на путь революции и если б германский милитаризм был разбит, то этим самым отнята была бы почва и у французских и английских милитаристов, влияние которых во Франции и Англии поддерживалось, дескать, только необходимостью обороняться против Германии. Ослабление же милитаризма во Франции и Англии облегчило бы нам в России низвергнуть самодержавие, которое в своё время спасено было только поддержкой французской буржуазии. Мотивировка поведения у питерских меньшевиков из «Нашей зари», таким образом, несколько (более. — Ж. А.) благовидна, чем у Плеханова, Иорданского, Маслова и москвичей, которые на первый план выдвигают победу русских, а не победу западных союзников. Но на практике это сводится к тому же, ибо нельзя вести сейчас борьбы с абсолютизмом в России, одновременно поддерживая его военную антигерманскую кампанию ... По самым последним известиям, О. К. пошёл на не-

которые уступки товарищам ликвидаторам, и они совместно выработали компромиссное письмо в ответ на призыв Вандервальде³⁵.

Ю. О.³⁶ говорит, что мы, заграничники, сами виноваты, что своевременно не нашли путей и влияние на наших российских неустойчивых товарищей.

Кстати, Ф. И. и Бор. Абр. стоят на нашей, на «новой», а не «питерской» точке зрения. Оба они (и Лид. Осип.) уже пошли в ссылку в Енисейскую губернию.³⁷

Ю. О. говорит мне о проектах выпуска и издания на иностранных языках комментированного ответа заграничных русских социал-демократов за подписями на призыв Вандервальде «поддержать» русское правительство в «освободительной войне». Я, конечно, вполне одобряю этот проект. Вместе с тем мы, вероятно, составим здесь план издания сборника статей на немецком языке.

Оппозиция в германской социал-демократии начинает себе проявляться. Они выпустили уже несколько брошюр против рабочей линии поведения официальных партийных кругов.

Ты, наверно, видела уже Виктора Тевзя, который сегодня утром должен был поехать в Давос. От него и из последнего (69 №) «Голоса» ты уже знаешь, конечно, что нетактичный выпад «Голоса» против «Бернской конференции»³⁹ — статья «Деньги не тонут» — написана была каким-то большевиком и по недосмотру принята была редакцией. По настоянию Мартова и Троцкого редакция уже извинилась перед участниками Бернской конференции за эту статью.

[...]⁴⁰

Там же. Л. 112–113.

№ 6

**А. С. Мартынов из Цюриха — А. Р. Пикер,
18 октября 1915 г.**

Цюрих, 18 октября

Дорогая и злая Корочка! У тебя два дня ещё до приезда. Смотри, настрой себя за эти два дня так, чтобы приехать доброй, непридиричивой, но доброй не «только к Туське»⁴¹. И я, со своей стороны, постараюсь.

Сегодня писал (и сегодня же кончаю) обещанную для сборника критическую заметку о плехановских изданиях.

Я занял на завтра уголь (1 центнер), антрацита ½ центнера, егер-⁴² и щепки).

Был, конечно, у Туське. Сегодня у неё уже Мастодронт — Fr. Wakernagel. Туська потеряла 60 грамм, но чувствует себя пре-

3. Мартынов А. С. в кругу семьи (сидят: жена — Мартынова А. Р., дочери — Татьяна, Елена; стоят: племянники Магидсон (Славутская) В. Г. (лицо замазано синим карандашом), Магидсон И. Г. Январь 1928 г. Москва. Ф. 795. Оп. 2. Д. 6.

красно (и температура хорошая). Я сегодня делал с ней опыт. Я заманивал её книжкой, и она на четвереньках быстро и ловко ползала по полу, заливаясь смехом. Я только скоро прекратил урок — чтоб не простудилась.

Видел сегодня Вольку⁴³. Он на днях уезжает в Россию, в Питер. Ну, ещё раз прошу тебя, Корочку: да будет свет! Целую.

Санюрочка

Там же. Л. 121.

№ 7

А. С. Мартынов из Петрограда — А. Р. Пикер в Ригу, 18 июля 1917 г.

Петроград, 18 июля

Родная, милая Нютечка!

Наконец-то я получил весточку от тебя, твои письма из Ялтушкова от 3 и 6 июля, которые меня бесконечно обрадовали.⁴⁴

Я вернулся из Стокгольма⁴⁵ в тот самый день, когда ликвидирована была кровавая авантюра 3 и 4 июля. Когда я приехал, в воздухе ещё пахло кровью, ещё мосты были разведены, так что мне пришлось ночью на лодке переправиться через Неву.

Трудно себе представить, как изменился за 10 дней моего отсутствия Петроград, благодаря июльским событиям. В городе царила паника и озлобления. Улица очутилась совершенно во власти контрреволюции. Положение ещё ухудшилось, когда получена была убийственная новость о военной катастрофе, о прорыве нашего фронта, о массовом бегстве солдат.

Катастрофа на фронте ставилась в связь с безумным выступлением 3 и 4 июля. За то и за другое обыватели всецело обвиняют «большевиков, подкупленных Вильгельмом», но обвинение не

останавливалось на этой границе, оно распространялось на всех социалистов, и на Советы в целом как укрывателей «попустителей». В этой атмосфере⁴⁶ контрреволюционного заговора при таких условиях Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принялся делать неимоверные усилия и удешевлять свою работу в гарнизоне, чтобы предупредить контрреволюционный переворот, который заведомо готовился и который ожидался со дня на день. Ты можешь себе представить, как весело всем нам, социал-демократам, жилось в эти дни.

У меня ко всему тому прибавилось личное огорчение: Я не имел представления о том, где находишься ты с Туськой. Я застал дома два твоих письма, но оба они написаны были до твоего отъезда из Риги. Последующие твои письма, которые ты, вероятно, писала в Стокгольм, до меня не дошли или не успели дойти. Я всячески пытался получить сведения о тебе от Гриши и Мумина⁴⁷. Но Гришу я не мог разыскать, не зная его нового адреса, а Мумин был в отъезде, в Финляндии.

Только дня три тому назад я их обоих нашёл, и они мне показали твою открытку, написанную уже в дороге. Я в тот же день телеграфировал тебе в Ялтушково. Из твоего письма я вижу, что ты счастливо избежала железнодорожное крушение и что ты благополучно добралась до Ялтушкова.

Но твоё последнее письмо (от 6-го) написано ещё до катастрофы на фронте⁴⁸. Ввиду того, что эта катастрофа разразилась около самой Подольской губернии, меня очень сильно беспокоит до сих пор ваша судьба, и я с величайшим нетерпением жду от тебя дальнейших известий.

У нас здесь жизнь опять входит постепенно в «нормальную» колею, поскольку непосредственная опасность катастрофического переворота исчезла и сменилась опасностью более хронического наступления реакции. Ввиду этого вновь создаётся психологическая возможность думать об устройстве личных дел и о завтрашнем дне.

Общее политическое положение теперь таково. Панические настроения, благодаря главным образом приостановке неприятельского наступления более или менее улеглись. Непосредственная причина военной катастрофы и печальных событий 3 и 4 июля начинают получать более объективное освещение. Как видно из прений, имевших место в Исполнительном Комитете Совета РСКД, кровавые события 3 и 4 июля вызваны были сочетанием действий весьма разнородных факторов. Тут играла роль и общая демагогическая и авантюристическая агитация большевиков, и непосредственный призыв к вооружённой демонстрации, исходивший от некоторых военных организаций большевистской партии (с согласия или без согласия её ЦК), и, наконец, провокаторское использование этой вооружённой демонстрации тайными агентами контрреволюции, которые ютятся в большевистских организациях и которые коварно принимали непосредственное, отправное участие во всей этой ужасной истории и именно в кровавых эпизодах.

Что касается нашей катастрофы на фронте, то и тут очень интересные доклады, которые мы выслушали от делегатов с фронта на заседаниях Совета, дают возможность составить себе более или менее объективное представление о причинах бегства армии. (Совету тебе прочитать краткий отчёт докладов в «Известиях Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», в № 1120 от 18 июля). Тут играли известную роль, конечно, и наше наступление и агитация против наступления, но гораздо большую роль тут играла усталость солдат от войны вообще и то, что лозунг «мира без аннексий» в умах солдат переломляется⁴⁹ в очень уж упрощённой и наивной форме индивидуального, частичного отказа от участия в

4. Мартынов А. С. в группе родных и знакомы (сидят: жена — Мартынова А. Р., племянница — Магидсон (Славутская) В. Г., стоят: Гринберг А., дочь Татьяна). 1930-е гг. Москва.

войне. Наконец, непосредственные призывы к неповиновению и здесь сплошь и рядом исходили от бывших жандармов и городских, делавших свои призывы с явно провокационной целью.

И на фронте и в Петрограде воцарившейся анархией прежде всего поторопились воспользоваться контрреволюционные элементы из высшего офицерства, из генералов старого режима, для того, чтобы под прикрытием восстановления порядка и спасения страны раздавить демократические организации в армии. Параллельно и в связи с усиленной контрреволюционной работой военных заговорщиков наблюдается переход в наступление нынешних штатских элементов контрреволюции — кадетской партии и торгово-промышленных организаций, которые ставят непременным условием своего участия в «спасении страны» отказ революции от её демократической программы и эмансипацию правительства от [...]»⁵⁰

Там же. Л. 127–131.

№ 8

А. С. Мартынов из Тулы — А. Р. Пикер в Петроград, 15 ноября 1917 г.

Тула 15 ноября

Милая Корочка! Приехал сюда 13-го вечером и моментально окунулся в работу. Сразу попал на многочисленное собрание меньшевиков, прочитал доклад и предупредил опасный для выборов раскол интернационалистов и оборонцев. На второй день стал ходить на заводы на митинги. Два дня мы митингуем на патронном заводе (15 тысяч рабочих!), завтра перенесём свою агитацию в другой столь же колоссальный завод — ружейный, затем на лафетный и в мелкие фабрики и заводы. За нами присылают лошадей, и наезды мы делаем «пачками» по 6 человек. В промежутке пишем листки, прокламации. Работаем дружно и весело. Организация еды хорошо налажена, особенно благодаря примирению интернационалистов и оборонцев. Очень боюсь только, чтоб я голоса не потерял от непрерывных митингов, выступлений. Большевицкая опасность здесь, по-видимому, миновала. Здесь в рабочей кассе сейчас особенно сильны с. р. н.⁵¹ Среди женщин же работниц и среди⁵² рабочих наибольших успехов пользуемся мы. Живу я в семье товарища д-ра Хазина⁵³. Очень — очень гостеприимны и откармливают меня на убой. Надеемся, что один во всяком случае пройдёт в Учредительное собрание. А у вас как дела? Здоровья ли Леночка⁵⁴, вспоминает ли меня Тулька? Надеюсь, что ты на меня уже не сердись.

Целую крепко милую Троицу.

Твой Санюрка!

Там же. Л. 132.

№ 9

А. С. Мартынов из Эссентуков — А. Р. Мартыновой в Москву, 15 сентября 1924 г.

Эссентуки, 15 сентября 1924 г.

Милая Корочка!

Какой же я дурень! Я только на днях узнал, что из окна нашего коридора прекрасно видны Эльбрус и Казбек! Я вчера был в Кисловодске (приглашали каторжан и старых ссыльных приехать сниматься), и там я убедился, что лучше ещё несколько дней побыть в Эссентуках. В Кисловодске настоящий муравейник, шум, гам, а у нас в Эссентуках тихо, спокойно. К тому же у нас в санатории подобралась маленькая симпатическая кампания, с которой мы очень весело проводим время.

Что касается здоровья моего, то я сделал большие успехи. Я

сбавил почти десять фунтов веса (сегодня я весил уже 4 пуда 25 фунтов). Я чувствую, что сильно помолодел, окреп настолько, что вызываю общее удивление. Я быстрее всех тут хожу, бегаю вперегонки и пр. Один из врачей уговаривал меня, чтоб я не слишком уж упражнялся в «скороходстве», что это может в конце концов худо отразиться на моем сердце. Я, однако, его не послушался, ибо я чувствовал, что сердце моё несравненно лучше прежнего работает, и я оказался прав: Сегодня меня освидетельствовали два врача и нашли, что сердце моё в прекрасном состоянии — никакого расширения нет.

С работой своей я покончил. Мои замечания к книге Зиновьева я уже давно ему отослал в Секретариат в Москву.

Завтра же я одновременно с твоим письмом отсылаю в Москву проредактированные мною протоколы заседаний Расширенного Исполкома Коминтерна (два заседания). Я уже два дня тому назад кончил эту работу, но не отправил, потому что в воскресенье было закрыто ГПУ (я хочу отправить фельдьегерской почтой), в понедельник же я слишком поздно справился с «процедурами».

Ты видишь, что, хотя я усиленно лечусь и также усиленно гуляю, я всё-таки могу урвать время для работы (правда, работа маленькая). Это потому, что у меня нет больше «мёртвых часов» после обеда и потребности в них я не чувствую: я целый день — с 7 часов утра до 12 часов ночи в совершенно бодром (и весёлом) состоянии. Удастся ли мне в обстановке московской сидячей жизни и умственной перегрузки удержаться на этом уровне — ось де заковыка!

Дня через три я всё-таки поеду в Кисловодск, чтобы принять десять нарзанных ванн и подышать чистым горным воздухом. Мне прямо совестно перед тобой и перед Марусей⁵⁵, что я имею возможность так «отремонтировать» себя и повеселиться в то время, как вам приходилось зябнуть на даче, а теперь кинуть в Москве. У нас здесь до сегодняшнего дня стояла всё время чудная нежная погода. Только сегодня подул сильный осенний ветер.

У нас здесь случилась неприятность. Т. Петерсон⁵⁶ три дня тому назад приехал сюда и поместился в нашей санатории. И вот на второй день после приезда он пошёл куда-то с приятелем на лужайку — они устроили игру в «волки — гуси», он, «гусь», спасался от «волка», перескочил через куст, попал в яму и сломал себе ногу (чашечку). Он заревел от боли, когда мы его таскали на носилках. Ему уже вправили кость и доктора надеются, что он скоро поправится, что дней через 10 он уже сможет немножко передвигаться с палочкой. А всё-таки он, бедняжка, пару месяцев будет выбит из строя. Придется, видно, по всему кому-нибудь заместить его в должности коменданта Кремля. Мы его всячески балуем. Приносим ему цветы и пр.

Целую крепко тебя, дорогая, и деток, и маму, и Марусю. Прости меня, что я так балую себя. Уж не знаю, чем я в Москве искуплю своё «привилегированное» веселье, привилегированное не только по отношению к вам, но и по отношению к большинству обитателей санатория, которые по сравнению с⁵⁷ Как будто скучаем. Мы, правда, устраиваем время от времени здесь общие вечера революционных воспоминаний, хоровое пение и прочее. Но всё-таки я и несколько наиболее интересных товарищей, естественно, держимся всегда вместе неразлучно.

Ну, ещё раз целую вас крепко.

Твой Санюрка.

Р. С. Пиши сюда. Когда перееду в Кисловодск, письмо перешлю. Передай мой сердечный привет Льву Осиповичу⁵⁸.

Р. Р. С. А корректуру из Ленинграда и даже ответы на мою вторую телеграмму до сих пор не получал...

Там же. Л. 136–138.

**А. С. Мартынов из Москвы — А. Р. Мартыновой в Киев,
25 июля 1928 г.**

Москва, 25 июля 28 г.

Милая Корочка!

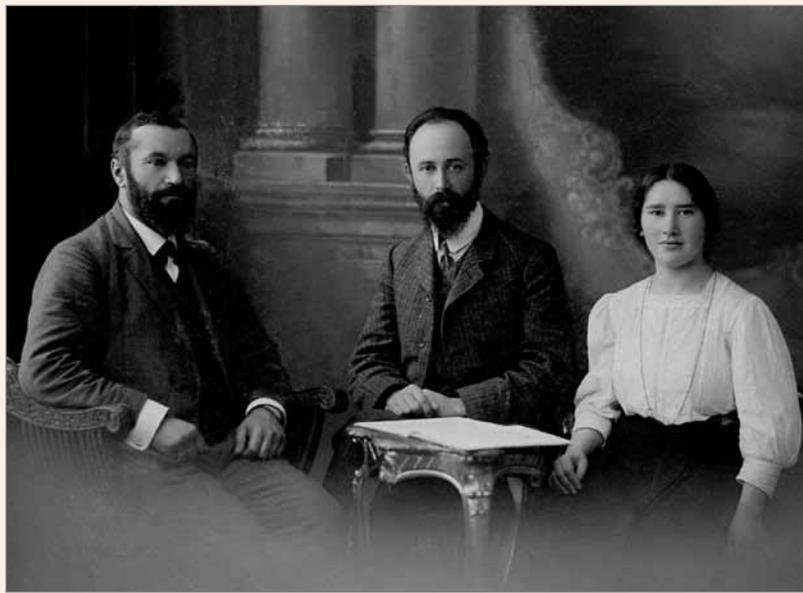
Не сердись на меня, что я тебе так редко пишу. Я так занят, что дохнуть некогда: хожу на конгресс на заседания⁵⁹, занят на делегации, затем редактирую эти двойные чудовищные номера, затем пишу, пишу, пишу, вчера написал большую передовицу в 15 страниц о пленуме ЦК⁶⁰.

Я чрезвычайно рад, что ты с ребятками так хорошо устроилась. У тебя от удовольствия, видно, так голова закружилась, что ты даже забыла наш домашний адрес.

[...] ⁶¹

Когда кончится съезд, аллах его знает. Правда у нас всё механизировано: перевод на 4-х языках одновременно с речью оратора передаются делегатам по трубке, и даже стенографистки привешивают к ушам трубки и одновременно на 4-х языках стенографируют. Это всё больше чем вдвое сокращает время. Но заседания делегаций отнимают массу времени, и пленарные заседания

**5. Мартынов А. С., Биск И. С., Мартынова А. Р.
1907 г. Штутгарт.**

пленума по-настоящему сейчас ещё только начались. Мне надо уже идти. Целую тебя и детей сто раз. Скажи Юрке⁶², что папа «ма», но что он его целует вот так. Тебе, Танечка, спасибо за письмо. Напишу тебе в следующий раз.

Твой Санюрка.

Там же. Л. 139–140.

Примечания

1. См., напр.: «Я Вас люблю ...». Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевне. М. 2007; «Ведь не безнадежность перед нами». Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. М. 2013; и др.
2. «Начал читать ваше письмо — и рассердился». Переписка Л. Д. Троцкого и А. С. Мартынова. Декабрь 1910 — сентябрь 1912 гг. // Исторический архив. № 1. 2014. С. 3–37; Тютюкин С. В. Меншевиизм. Страницы истории. М., 2002; и др.
3. Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989.
4. Подробнее см.: Меншевики в 1917 г. Т. 3. М. 1997.
5. Деятели СССР и революционного движения в России. См., также: Мартынов А. С. О меншевиизме и большевиизме. М., 1923; Vom Menshevismus zum Kommunismus. Hamburg. 1923.
6. См., напр.: Меншевики в большевистской России. 1918–1924 // Меншевики в 1922–1924 гг. М. 2004. С. 372, 394, 442.
7. Дан Ф. Смерть А. С. Мартынова // Социалистический вестник. № 2. 1935.
8. Всего же в фонде А. С. Мартынова отложено более 50 писем жене за 1907–1929 гг., а также более 30 писем А. Р. Мартыновой мужу за 1910–1925 гг.
9. А ты, кстати, в пылу гнева куклонилась от истины»: я после 19-го писал тебе не только 24-го, но и 23-го, и ты ведь оба эти письма получила. (Прим. автора).
10. Ольга Моисеевна — вероятно, жена И. С. Биска. И. С. — Исаак Соломонович Биск (1874–1922) — близкий знакомый А. С. Мартынова, социал-демократ, с 1901 г. меньшевик, в 1906–1917 гг. эмигрант, во время Первой мировой войны меньшевик-интернационалист.
11. Опушена часть документа, где говорится о пешем походе Мартынова и его знакомых по окрестностям Иммензее.
12. Опушена часть документа, где говорится о жизни близких знакомых Мартынова.
13. Вид на жительство (фр.).
14. Это письмо написано Мартыновым

- во время его участия в работе Венской конференции (13 августа — 2 сентября 1912 г.).
15. Вероятно, речь идет о совещании членов ЦК РСДРП, находившихся за границей («июньское совещание цекстов»), которой состоялось в Париже 10–17 июня 1911 г.
16. Опушена часть документа личного характера.
17. Это письмо было написано во время конференции французских и немецких парламентариев в Берне (11 мая 1913 г.).
18. Имя разобрать не удалось.
19. Имя разобрать не удалось.
20. Сведения установить не удалось.
21. Имя разобрать не удалось.
22. Г. Гаазе (1863–1919) — сопредседатель Германской социал-демократической партии. Герман Молькенбург (1851–1927) — немецкий рабочий, социал-демократ, в 1911–1924 гг. — председатель социал-демократической фракции рейхстага. Констан де Эстурнель (1852–1924) — французский дипломат и общественный деятель.
23. Государственный советник (фр.).
24. Место встречи (англ.).
25. Сведения установить не удалось.
26. Сведения установить не удалось.
27. Интервью (англ.).
28. П. Б. — Павел Борисович Аксельрод (1850–1928), один из лидеров меньшевиков, с 1880 г. в эмиграции.
29. Ю. Ос. — Юлий Осипович Мартов (1873–1923) — член РСДРП с 1895 г., с 1903 г. один из лидеров меньшевиков. Виктор Тевзая (Б. Машинадзе; 1883–1932) — меньшевик, работал в ряде меньшевистских изданий.
30. Сведения установить не удалось. Возможно, О. М. Биск (см. прим. 10).
31. Григорий Осипович Биншток (1884–1954) — социал-демократ, до 1905 г. большевик, затем меньшевик. С 1922 г. — эмигрант.
32. Любовь Исаковна Акселрод (Ортодокс) (1868–1946) — член партии «Народная воля», затем член группы «Освобождение труда», соратник Г. В. Плеханова.
33. Пётр Павлович Маслов

- (1867–1946) — экономист, социал-демократ, с 1903 г. — меньшевик. С началом Первой мировой войны жил в Москве. Николай Иванович Иорданский (1876–1928) — публицист и редактор, член РСДРП с 1899 г., меньшевик, с 1909 г. меньшевик-плекхановец, с 1910 г. один из редакторов газеты «Звезда».
34. «Наша заря» — легальный общественно-политический журнал социал-демократов-меньшевиков. Издавался в Петербурге в 1910–1914 гг. Странники газеты считали, что ответственность за мировую войну лежит на Германии, и были сторонниками непротестивействия войне как национальному делу самообороны и противодействия царскому правительству.
35. Эмиль Вандервальде (1866–1938) — лидер Рабочей партии Бельгии, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала.
36. См. прим. 10.
37. Ф. И. — Фёдор Илиич Дан (1871–1947) — врач, публицист, член РСДРП с 1894 г., с 1903 г. один из лидеров меньшевиков, лидер меньшевистской фракции в IV Государственной думе. После начала Первой мировой войны был выслан в административном порядке в Минусинск Енисейской губернии, где сблизился с «сибирскими интернационалистами». Выступал за противодействие войне при восстановлении интернационального единства социалистов, осуждал «оборончество» Плеханова и «пораженчество» Ленина.
- Бор. Абр. — сведения установить не удалось.
- Лид. Осип. — Лидия Осиповна Дан (1878–1963), сестра Ю. О. Мартова, жена Ф. И. Дана, меньшевичка.
38. См. прим. 16.
39. Вероятно, речь идёт о предстоящей конференции зарубежных секций РСДРП в Берне (27 февраля — 4 марта 1915 г.). Основным пунктом повестки дня на ней был вопрос о войне и задачах партии в связи с ней.
40. Опушена часть документа, где говорится о жизни близких знакомых А. С. Мартынова.

41. Туся — Татьяна, дочь А. С. и А. Р. Мартыновых.
42. Яичный (нем.). Далее слово написано неразборчиво.
43. Сведения установить не удалось.
44. 3 июля 1917 г. А. Р. Мартынова подробно описывала мужу, как вместе с дочерью Татьяной и матерью добиралась из Петрограда в Ялтушков. Так, она писала: «Дорогой, милый Санюрочка! Как видишь, мы уже в Ялтушкове. Но поверь, что достигнуть его удалось лишь с большим трудом. В Киев мы приехали с опозданием лишь в 12 часов, и это оказалось было большим счастьем для нас, так как с поездом, к которому мы опоздали, произошло крушение и не без жертв» (РГАСПИ. Ф. 795. Оп. 1. Д. 10. Л. 31–32).
45. В 1917 г. А. С. Мартынов находился в Швеции в составе дипломатической миссии (РГАСПИ. Ф. 795. Оп. 1. Д. 2).
46. Написано неразборчиво. Вероятно, «быстрая дорога».
47. Сведения установить не удалось.
48. См. Ф. 795. Оп. 1. Д. 10. Л. 36–42.
49. Так в тексте.
50. Окончание письма отсутствует.
51. Вероятно, «социал-революционные настроения».
52. Слово неразборчиво.
53. Сведения установить не удалось.
54. Елена Мартынова — дочь А. С. и А. Р. Мартыновых
55. Мария Самуиловна Пикер (Маруся) — сестра А. С. Мартынова, в 1920-е гг. работала врачом на Ялтушковском сахарном заводе.
56. Петерсон Рудольф Августович (1897–1937) — в 1920–1935 гг. комендант Кремля.
57. Далее написано неразборчиво.
58. Сведения установить не удалось.
59. Здесь и далее речь идёт о работе VI конгресса Коминтерна (17 июля — 1 сентября 1928 г.).
60. Речь идёт о пленуме ЦК 4–12 июля 1928 г.
61. Опушена часть документа, где говорится о жизни близких знакомых А. С. Мартынова.
62. Сведения установить не удалось.